

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПУБЛИЧНОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме формирования единых подходов к трактовке такой уголовно-правовой категории, как «легализация (отмывание) преступных доходов» и влияние данной категории на современную финансовую систему России. Раскрываются причины возникновения легализации (отмывания) преступных доходов, проблемы квалификации и применения ответственности, отмечается отсутствие единого подхода к юридической идентификации указанных противоправных деяний.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов; преступные доходы.

Российская Федерация, подписав Страсбургскую конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. [1], приняла на себя обязательство рассматривать в качестве доходов от преступной деятельности любую экономическую выгоду (any economic advantage), полученную в результате совершения преступлений [2]. Указанная выгода может включать «любое имущество, любого рода, вещественное или невещественное, движимое или недвижимое, а также юридические акты или документы, дающие право на имущество или на долю в этом имуществе» [3]. В целях международного сотрудничества Конвенция предусматривает различные формы противодействия легализации преступных доходов, начиная от постоянных мер, таких как помощь в сборе улик, передача информации другому государству без официального запроса и принятие общих методов ведения следствия, вплоть до применения таких мер пресечения, как блокирование счетов в банке, конфискация собственности с целью предотвращения ее уничтожения [4]. Безусловным успехом в разработке международных стандартов финансового мониторинга стали «сорок рекомендаций» Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег ФАТФ (FATF) [5], цель которых состоит в развитии международной стратегии противодействия легализации денежных средств. Рекомендации ФАТФ (FATF) представляют собой универсальную юридическую основу для правоприменительной деятельности в борьбе с легализацией преступных доходов в целях ее последующей адаптации в национальных системах законодательства стран-участников с учетом их индивидуальных особенностей. Данные рекомендации включают в себя меры, предусматривающие уголовное преследование за осуществление деятельности по отмыванию доходов, организацию превентивного контроля в финансовых и ряде нефинансовых учреждений, создание подразделения финансовой разведки и международное сотрудничество в деятельности по борьбе с данным видом преступления. Вместе с тем современная российская правовая наука столкнулась с достаточно актуальной с практической и теоретической точек зрения проблемой: определение законности происхождения денежных средств и выявление преступных доходов в общем массиве финансов и имущества хозяйствующих субъектов.

Следует отметить, что с началом рыночных реформ российское общество стало все отчетливее осознавать опасность вливания в национальную экономику де-

нежных средств, добытых незаконным путем, так как данные средства явились питательной средой для криминальной сферы, а также основным фактором для распространения в российском обществе коррупции. С выявления преступных доходов в 1996 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена норма о легализации (отмывании) преступных доходов – ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем». В 2001 г. уголовно-правовые нормы о легализации были значительно усложнены и дифференцированы. В результате этого в Уголовном кодексе РФ появилось два уголовно-правовых состава: ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления». Впоследствии законодатель неоднократно вносил изменения в данные уголовно-правовые составы: в 2001, 2003, 2004, 2009, 2011 г. вносились изменения в ст. 174 УК РФ, а в 2003, 2004, 2009, 2010, 2011 гг. – в ст. 174.1 УК РФ. Все это нашло отражение и в следственно-судебной практике привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем.

В настоящее время в наиболее общем виде легализацию (отмывание) определяют как сокрытие или утаивание лицом истинной природы и истинного происхождения преступных доходов. Фактически под легализацией (отмыванием) преступных доходов понимают действия, направленные на маскировку преступных доходов, обман других лиц относительно источника происхождения криминальных капиталов, выдачу «грязных» доходов за «чистые». При этом следует заметить, что лицо, занимающееся легализацией (так называемый «отмыватель»), стремится завуалировать, наделить легальным, т.е. правомерным, статусом доходы от преступной деятельности. Учитывая, что правомерность владения, пользования или распоряжения денежными средствами или иным имуществом зависит прежде всего от правомерности возникновения этих правомочий, возникает необходимость скрыть реальный факт, ставший источником дохода (преступление), сфабриковать новый факт и увязать его с преступным доходом. Все это происходит на определенном правовом фоне роста общего негативного отношения значительного количества россиян к функционированию

современной финансовой системы страны, роста нигилизма и снижения публично-правовой эффективности финансового контроля в стране. Следует отметить, что данный правовой фон является одним из ключевых элементов правовой действительности, оказывающих непосредственное влияние на преступную деятельность, связанную с легализацией (отмыванием) доходов. Для уяснения влияния данного обстоятельства на механизмы выявления преступных доходов необходимо ответить на вопрос: что представляет собой современная Россия с точки зрения рядового обывателя среднего трудоспособного возраста (33–48 лет) и каково отношение основной массы населения к природе происхождения любых видов доходов? Современная Российская Федерация – это около 15% мировой суши, на которой сегодня проживает около 140 млн человек. На территории страны сосредоточены примерно 30% мировых запасов углеводородов, почти 50% мировых запасов полезных ископаемых (в числе которых золото и алмазы, редкие металлы, ресурсы для атомной энергетики). Вместе с тем сегодня на долю России приходится всего 3% мировой экономики. Российские граждане, которым в течение почти целого века внушали, что они являются авангардом человечества, в основной своей массе испытали глубочайшее унижение и разочарование. Официальная российская статистка, в частности показатель децильного коэффициента, свидетельствует о росте социального и имущественного расслоения и социальной напряженности, о создании предпосылок к уходу значительной части доходов населения в сферу нелегальных доходов.

Децильный коэффициент неравенства доходов – отношение средней величины доходов 10% наиболее состоятельной части населения (ДДСН) к среднему доходу 10% беднейшей части. Данный показатель определяется по формуле: $ДКНД = ДДСН / ДДБН$ и фактически определяет размах имущественного расслоения общества.

Однако как влияет показатель социального расслоения населения, в частности уровень децильного коэффициента, на объемы легализации (отмывания) преступных доходов? Для ответа на данный вопрос следует обозначить общепринятую точку зрения, согласно которой в моменты социальных конфликтов происходит значительный рост общего объема нелегальных доходов. Впрочем, существует и иная точка зрения, суть которой заключается в том, что рост нелегальных доходов вызывает существенное имущественное и социальное расслоение. Это в свою очередь порождает обострение социальных конфликтов. Несмотря на внешнее отличие указанных мнений, следует признать, что по сути они сходятся в одном: социальная напряженность, значительное социальное и имущественное расслоение населения и рост преступных доходов – это взаимосвязанные категории. Данное обстоятельство подтверждается статистическими данными. Так, в дореволюционной России децильный коэффициент приближался к показателю 30. В Европе самый низкий децильный коэффициент в скандинавских странах, где он варьирует от 3 до 5. В Германии, Австрии и Франции он чуть выше и достигает 5–7. Считается, что когда децильный коэффициент превышает 10, это создает

основу для социальных беспорядков. Сегодня децильный коэффициент в России выше, чем в большинстве латиноамериканских стран. В 2000 г. он составлял 13,9 [6. С. 16–17], а вплотную стал приближаться к отметке 30 в 2011 г.

По мнению главного стратега «Альфа-Банка» Кристофера Уифера (Christopher Weafer), в развитых странах нормой считается пятикратная разница в доходах. По оценкам ВТО если доходы бедных и богатых различаются в 14,2 раза, в стране возникает реальная опасность социальных волнений. Установлено, что волнения в России в 1917 г. началась, когда этот показатель был больше 25. По итогам 2010 г. в России на долю 10% самых высокооплачиваемых россиян приходилось 30,4% от общего объема денежных доходов.

При этом следует отметить, что общие тенденции к росту социального расслоения и разницы доходов населения создают потребности в выводе значительной части финансов из статуса легальных доходов в статус нелегальных. В свою очередь мировая финансовая статистика говорит, что около 80% нелегальных финансов связано с противоправной и прежде всего с преступной деятельностью. Следует отметить, что с сентября 2010 г. Ситибанк совместно с медиахолдингом РБК начал рассчитывать индекс благосостояния обеспеченных граждан России: на долю 990 тысяч обеспеченных россиян в 2009 г. пришлось 25% доходов всей страны. Но хуже всего то, что на 100 рублей прироста валового продукта в расчете на душу населения бедные получают прирост доходов в 5 рублей, богатые – в 200 руб., т.е. разница составляет 40 раз. Таким образом, с течением времени социальное расслоение будет только усугубляться.

Следует обратить внимание на то, что нарастание расслоения российского общества за годы экономического роста, предшествовавшие кризису, несколько не входит в противоречие с тем фактом, что, по данным официальной статистики, доля населения с доходами ниже прожиточного уровня уменьшилась за этот же период практически вдвое: быстрый рост доходов как раз и способствует неравномерности их распределения в обществе. Тем более это естественно для страны, живущей в значительной степени за счет продажи ресурсов, проще говоря, для нефтяной экономики.

С учетом вышесказанного, можно констатировать, что в финансово-хозяйственной деятельности страны сформировалась определенная тенденция: если в современной в России будут осуществляться процессы модернизации (и неважно на основе чего: развития наукоградов типа Сколково, внедрения инновационных технологий или модернизации за счет совершенствования системы государственного администрирования) и даже если экономика будет расти, социальное расслоение все-таки будет увеличиваться. Это означает, что у определенной части населения будет возрастать потребность в совершении преступлений, конечной целью которых является получение денежных средств или иного имущества, объем которых будет увеличиваться в пропорциональном отношении по сравнению с общим объемом денежной массы и имущественных ценностей в стране. Все это усугубляется тем, что, по оценкам социологов, доминирующим настроением ши-

роких слоев становится разочарование в правильности избранного пути. Угрожающе (до 70%) выросло число людей, которые в сложившейся системе чувствуют себя незащищенными от произвола как со стороны частных лиц, так и со стороны публичных должностных лиц, нарушающих их законные права и интересы.

Объявленная модернизация на фоне нестабильной политической системы и усиления элементов коррупционности не вызывает большого энтузиазма и образует панические настроения, препятствуя развитию общества. Несмотря на некоторое замедление, продолжается отток лучших «российских мозгов». Только в 2009 г. в США из России уехали 50 тысяч специалистов. Как правило, молодых. Все вышеназванные факторы повлияли на формирование в современной России различных форм теневой экономики и, как следствие, создание общего коррупционного фона. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: согласно данным китайской статистики, общая стоимость экспорта подрядно-строительных работ и услуг по поставке строительных рабочих их провинции Хэйлуцзян в регионы РФ составила в 2006 г. 195 млн долл. Однако общая сумма импорта услуг (транспортных, туристических, строительных и всех остальных) ДФО из КНР составила всего 47,6 млн долл., т.е. разрыв между китайскими и российскими статистическими данными как минимум четырехкратный [7. Т. 2. С. 131]. При этом никто не сомневается, что данные средства влились в российскую экономику как легально, так и нелегально.

По странному стечению обстоятельств наличие общей тенденции к увеличению объема денежных средств и имущества, добытого преступным путем, совпало с тем, что в настоящее время не выработан единый правоприменительный подход к следственно-судебной практике применения ст. 174, 174.1 УК РФ, в связи с чем на стадии предварительного следствия постоянно возникают определенные проблемы. Суть данных проблем в том, что в современной нормативно-правовой базе отсутствует четкое толкование понятия «придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, приобретенным преступным путем». К примеру, лицо на полученные от преступной деятельности денежные средства приобрело квартиру, т.е. совершило сделку купли-продажи, зарегистрировало ее и, соответственно, приобрело право собственности уже в законном порядке на эту квартиру, придав этому имуществу вид правомерности. Возникает вопрос: усматриваются ли в его действиях признаки легализации либо его действия следует рассматривать как распоряжение похищенными денежными средствами? Однако, как показывает практика, однозначного ответа на этот вопрос нет. Для его разрешения полагается необходимым на законодательном уровне дать определение понятию «придание правомерного вида».

При анализе диспозиции ст. 174.1 УК РФ возникает вопрос: возможно ли привлечение лица к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем, если отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор суда по делу о первичном (основном преступлении)? Если четко следовать диспози-

ции, то за легализацию (отмывание) может быть привлечено только то лицо, которое осуществляет финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения деяния, признанного преступлением вступившим в законную силу приговором суда. При этом преступность происхождения денежных средств также должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда (за исключением преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 Уголовного Кодекса РФ). Существенным моментом является то, что в действиях лица должны присутствовать деяния по «сокрытию», т.е. приданию правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, а объем указанных денежных средств должен быть отнесен к категории «крупный размер».

Кроме этого, детальный анализ конструкций диспозиций ст. 174.1 УК РФ не дает ответа на вопрос, какая сделка или финансовая операция с имуществом, добытым преступным путем, образует составы преступлений, предусмотренные ст. 174 и 174.1 УК РФ. При установлении признаков указанной нормы, по всей видимости, необходимо принимать во внимание, что сделка или финансовая операция может быть совершена с целью хищения чужого имущества, т.е. при совершении основного (предикатного) преступления. Но если предикатного преступления не было выявлено, а как правило, преступления в финансовой сфере имеют высокий уровень латентности, или по нему нет вступившего в законную силу приговора суда, значит ли это, что нет легализации (отмывания)? Данный вопрос о необходимости установления приговором суда факта происхождения легализуемого имущества остается дискуссионным. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18.11.2004 г. № 23 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г. № 31) [8] в п. 21 указал, что «при постановлении обвинительного приговора по статье 174 УК РФ или по ст. 174.1 УК РФ судом должен быть установлен факт получения лицом денежных средств или иного имущества, заведомо добытых преступным путем либо в результате совершения преступления».

Существует точка зрения, что из вышеназванного разъяснения Пленума вовсе не следует необходимость предварительного осуждения лица за основное (предикатное) преступление для применения нормы о легализации (отмывании) преступных доходов, а факт преступного приобретения денежных средств или иного имущества может быть установлен и судом, рассматривающим уголовное дело об отмывании преступных доходов. Эта точка зрения основывается на том, что Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 18.11.2004 г. № 23 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г. № 31) (п. 20) указал, что «при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, судам следует выяснять, имеются ли в деле доказательства, свидетельствующие о том, что лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, было достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены другими

лицами преступным путем». Согласно данной точке зрения для обвинения важно, чтобы субъект, привлекаемый к ответственности за легализацию, осознавал преступное происхождение имущества, с которым он совершает финансовые операции и иные сделки [8. С. 125]. Но сама формулировка п. 20 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ и построение доказательственной базы только на субъективном элементе состава преступления несут в себе массу проблем, которые проявляются в ходе судебного следствия. Следствием этого является то, что государственные обвинители часто отказываются от обвинения в части ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Особого внимания требуют пробелы в действующем российском законодательстве и коллизионные вопросы соотношения его отдельных норм. Совершенно не внесло ясности в судебно-следственную практику Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем». Указания вышеназванного Пленума, изложенные в п. 19, о том, что «...судам следует иметь в виду, что под финансовыми операциями и другими сделками, указанными в статьях 174 и 174.1 УК РФ, следует понимать действия с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом (независимо от формы и способов их осуществления, например, договор займа или кредита, банковский вклад, обращение с деньгами и управление ими в задействованном хозяйственном проекте), направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей», зачастую приводят к неясности и неправильному толкованию уголовно-правового значения термина «легализация». Легализация представляет собой процесс вовлечения в сферу легального предпринимательства денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, и придания им статуса правомерно приобретенного, отнесение к фактам легализации всех сделок купли-продажи либо финансовых операций с похищенными материальными ценностями: форфейтинг; хеджирование; эккаутинг; валютные операции; банковские операции «своп».

Практика рассмотрения уголовных дел по ст. 174.1 УК РФ показывает, что в судах практически нет единообразного подхода к рассмотрению вышеуказанных преступлений и принятия по ним решений. Судьи по-разному подходят к толкованию понятия «легализация», предусмотренного УК РФ, в результате чего в аналогичных ситуациях принимаются различные судебные решения.

В качестве примера можно привести следующие ситуации: судом рассмотрено уголовное дело по обвинению гражданина Ч. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2, 3, 4 ст. 159, ч. 1 ст. 174.1, ч. 1 ст. 325 и ч. 2, 3 ст. 327 УК РФ по факту хищения имущества, принадлежащего ООО, путем обмана и злоупотребления доверием. Затем гражданин Ч. легализовал денежные средства в размере 760 тыс. 560 рублей, полученные в результате преступной деятельности посредством заключения договора купли-продажи похищенных горю-

че-смазочных материалов. Он признан виновным в совершении вышеуказанных преступлений, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком 6 лет 3 месяца, по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ в виде штрафа в размере 70 000 руб. Однако по аналогичному делу суд признал гражданина Р. виновным по ч. 3 ст. 160 УК РФ в присвоении вверенного имущества. При этом по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ в части легализации похищенных денежных средств путем заключения договоров купли-продажи похищенных комплектующих для компьютерной техники гражданин Р. судом оправдан ввиду отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения. Все это создает общий негативный фон в механизмах правоприменения норм ст. 174.1 УК РФ.

Следует отметить, что у прокуроров отсутствует единое мнение о применении данной нормы, они осторожно относятся к предъявлению обвинения и направлению таких уголовных дел в суд. К тому же нередко возникают ситуации, когда прокурором утверждается обвинительное заключение, однако в судебном заседании государственный обвинитель отказывается от обвинения по ст. 174.1 УК РФ, зачастую не мотивируя свой отказ. Так, в 2006 г. в суд направлено уголовное дело по обвинению гражданки А. и гражданина Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Указанные граждане в период с июля 2003 г. по декабрь 2004 г. в г. Шелехове Иркутской области, совершив мошеннические действия в отношении большого количества потерпевших, обманным путем завладели их денежными средствами на общую сумму 9 млн 138 тыс. рублей. Действуя в составе организованной группы, они легализовали данные денежные средства, используя для ведения предпринимательской деятельности и других сделок, осуществив перевод 1 млн 387 тыс. рублей на счета в банки Англии и Германии. В ходе судебного заседания по данному делу государственный обвинитель отказался от обвинения в части совершения гражданами А. и Б. преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, без мотивирования своего решения. Гражданка А. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года. Гражданин Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года 7 месяцев.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что основными причинами исключения из обвинения составов преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ, а также оправдательных приговоров по данной категории дел являются:

– неустановление причинно-следственной связи между совершенным преступлением и последующим фактом легализации незаконных доходов в ходе судебного следствия;

– отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения ввиду малозначительности совершенного деяния или недоказанности вины обвиняемых.

Кроме этого, существенной проблемой в расследовании указанных составов является то, что лицами при

совершении преступлений в сфере экономики активно используются так называемые фирмы-однодневки, зарегистрированные на недействительные либо подложные паспорта и созданные, как правило, для проведения конкретной сделки и на непродолжительный период времени. В связи с этим необходимо принятие незамедлительных мер по изменению законодательства. Для решения обозначенных вопросов целесообразно закрепить на законодательном уровне ряд правовых норм, которые не позволят или значительно затруднят использование в финансово-хозяйственной деятельности сделок с «фирмами-однодневками».

Приведенные выше примеры правоприменительной практики и проблемы в выявлении и расследовании указанных преступлений указывают на то, что поставленная цель по пресечению легализации незаконных доходов пока еще не достигнута. Вопросы, связанные с квалификацией и расследованием преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ, постоянно привлекают внимание научных сотрудников и юристов.

Данные проблемы активно обсуждаются на совещаниях-семинарах правоохранительных органов, в частности, на совещании «Особенности тактики выявления и методики расследования уголовных дел о легализации преступных доходов», состоявшемся 14 декабря 2010 г. в Главном управлении МВД по СФО (г. Новосибирск). В ходе обмена мнениями и обсуждений эффективности функционирования механизмов процессу-

ального взаимодействия между представителями оперативно-следственных подразделений МВД, прокуратуры и службы Росфинмониторинга выявляются проблемы и формулируются предложения, которые при их внимательном анализе и учете позволили бы повысить качество судебно-следственной практики. Следует обратить особое внимание на изучение правоприменительного опыта деятельности подразделений правоохранительных органов, непосредственно занимающихся выявлением преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов.

В целях совершенствования выявления данных видов преступлений и расследования уголовных дел указанной категории формируются определенные предложения. В частности, неоднократно было отмечено, что законодательно необходимо дать четкое определение понятий «придание правомерного вида владению», а также определить критерии финансовых сделок и иных операций, которые позволят разграничить признаки легализации от распоряжения похищенным. Кроме того, практикующие работники отмечают, что необходимо продолжить практику по выработке единых совместных подходов к юридическому анализу и разрешению коллизий, возникающих на стадии применения уголовного закона.

Хотелось бы верить, что проблемы, обозначенные в указанной статье, будут услышаны, а сформулированные предложения найдут отклик как у законодателя, так и у судейского сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Convention* № 141 of 1990 from the Council of Europe.
2. *Федеральный закон* от 28.05.2001 г. № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (принят ГД ФС РФ 25.04.2001 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 04.06.2001 г. № 23. Ст. 2280.
3. *Васильев А.В.* Надо ли бороться с отмыванием денег, скрытых от налогообложения, как с экономическими преступлениями? // *Законодательство и экономика*. 2004. № 9. URL: <http://www.advoc.biz/finansovaya-razvedka/67-otmyvanie-i-nalogi.html>
4. *Голец Г.А.* Международное сотрудничество в сфере финансового мониторинга // *Финансовое право*. 2009. № 7.
5. *Официальный сайт группы*. URL: www.fatf-gafi.org
6. *Спиглазов П.Л.* Дифференциация доходов населения в современном российском обществе: социально-территориальный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2007.
7. *Донских О.А.* Международный семинар: «Сообщества, институты в переходный период. Евразия после 1991 года» (Калькутта, 22–24 февраля 2010 г.) // *Идеи и идеалы*. 2010. Т. 2, № 2 (4). С. 119–133.
8. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г. № 31) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2005. № 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2011 г.